

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

СВОБОДА КАК ПРЕДЕЛ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУРАХ

С. С. Клименко

FREEDOM AS A LAW LIMIT IN RUSSIAN AND EUROPEAN LEGAL CULTURES

Klimenko S. S.

The article casts light upon the peculiarities of understanding the category of freedom in Western and Russian legal cultures. The author draws a conclusion that Russian legal culture is a regional variant of European culture type which, as well as Western Europe, makes up the basis of European civilization.

Key words: freedom, liberalism, legal awareness, mentality, paternalism, etatism, legality

В статье рассматриваются особенности понимания категории свободы в западной и российской правовых культурах. Делается вывод о том, что российская правовая культура представляет собой региональный вариант европейского типа культуры, так же как и Западная Европа, составляющего основу европейской цивилизации.

Ключевые слова: свобода, либерализм, правосознание, ментальность, патернализм, этатизм, легальность.

УДК 130.2

Исследование смыслообразующих категорий и исходных тем философской антропологии в настоящее время протекает в духе острой дискуссии и пересмотра некоторых традиционных представлений. Касается это и понятия свободы, рассмотрение логического и эмпирического статуса которого, несмотря на многочисленные работы, все еще не может претендовать на исчерпанность. Сама абстрактность и предельная широта философской категории свободы оставляет уязвимым и открытым для уточнений и переуточнений любое ее определение при каждом повороте в историческом движении общества и его институтов. С другой стороны, постоянным импульсом для возможной попытки по-новому интерпретировать известные данные из области истории классического и современного либерализма служит появление в современной теории сложных методологических инструментов, например, понятий традиционной и легальной культуры. Но в первую очередь пищу для очередных штудий и классификаций поставляет ощущаемая научным сообществом недостаточность имеющихся методологических ресурсов по данной проблематике, несоответствие их сложным аспектам современной российской правовой реальности.

Пристальное внимание к идеалам западной демократии возникло в нашей стране во второй половине 80-х годов, когда ее образцы были не просто импортированы либо пересажены на местную почву, но казались

эмблемой гражданского общества как такового. Однако увлечение достаточно скоро прошло, сменившись поисками собственной российской цивилизационной идентичности. Если попытаться суммировать основные положения, характеризующие особенности российской правовой культуры в общественном сознании, то одним из ведущих будет критика конститутивной основы западноевропейских доминант духовности. Эта критика касается прежде всего политико-правовой составляющей западного общества, которая определяет все остальные его сферы, интериоризируя внешние воздействия в знаково-символические формы и массовое поведение. Речь идет о признаках государства, нации и права как меры свободы формально равных индивидов, вытекающие из конститутивных основ западного общества, связанных преимущественно с обменным типом общественных связей. В российском общественном сознании и правовом дискурсе подобный тип культуры зачастую стигмизируется как утилитарно-потребительский и тем самым постулируется невозможность сохранения России в рамках западного проекта «общества свободы».

Особый интерес в связи с этим представляет вопрос о каналах реализации в российской правовой культуре центрального для западного общества понятия «свободы», поскольку российская правовая система перестраивается в настоящее время по образцу западной. В настоящей статье делается попытка показать, что культурная пропасть между Западом и Россией в вопросах воплощения ценностей свободы отнюдь не столь велика, как это иногда представляется.

В литературе зачастую западной идее свободы как выражения суверенитета и автономии личности противопоставляют идею служения в российской правовой культуре. Как пишет В. П. Малахов, в идее служения на нравственно-религиозной основе осуществлено примирение человека с второстепенностью его прав в сравнении с обязанностями, с их несущественностью, зыбкостью, декларативностью. Идея служения является целеустановкой правосознания, связанной с внутренней оправданностью мизерности

индивидуального интереса; она выражает органичность и неразрывность связи человека с другими людьми, с обществом; она фиксирует ценность подчинения человека общественному целому (1). Данная точка зрения подтверждается и амбивалентностью отношения в народной культуре к понятию «воля». С одной стороны, воля – искомым идеал, центр устремлений. С другой стороны, как говорится, «вольному – воля, спасенному – рай». Сопоставленная с раем, воля выглядит скорее как антиценность, что подтверждается целым рядом других пословиц: «Своя воля – клад, да черти его стерегут»; «своя волюшка доводит до горькой долюшки»; «Воля и добра мужика портит»; «Жить по воле, умереть в поле» и т. д.

С другой стороны, примат формальных прав человека в западном обществе воспринимается (не только российским обывателем, но и западными интеллектуалами) как обезличивание, унификация, несвобода. В глазах критиков «буржуазных» ценностей парадоксальным образом несвобода – в смысле подчинения человека аппарату производства – закрепляется и усиливается в форме многочисленных свобод и удобств. По словам Г. Маркузе, ни предпочтение административных форм контроля физическим (голод, личная зависимость, сила), ни изменение характера тяжелого труда, ни выравнивание возможностей в сфере потребления не компенсируют того факта, что решения по вопросам жизни и смерти, личной и национальной безопасности являются областью, в которую индивиду нет доступа. Хотя рабы развитой индустриальной цивилизации превратились в сублимированных рабов, они по-прежнему остаются рабами, ибо рабство определяется не мерой покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи (2).

В то же время, как отмечается в литературе, для западного сознания идея служения в значительной степени лишается ценностного потенциала, внутреннего импульса, момента устремленности, желательности реализации себя в других, в общественном целом. Доминирующим становится момент

принудительности, вынужденной целесообразности. Служение отождествляется с общественной обязанностью или с повинностью и выглядит как модернизированное рабство с элементами нравственного садизма власти. Подобный взгляд на Россию весьма распространен на Западе (3).

В. П. Малахов, который провел глубокий компаративный анализ западной и российской правовых культур, пришел к выводу о несовместимости логик западноевропейской и российской правосознания и о невозможности встать на некую «третью» точку зрения, которая позволила бы оценить преимущества или изъяны той или иной культурной формы правовой духовности, которая позволила бы выработать так называемый объективный взгляд на предмет или создать наиболее рациональную идейную конструкцию в целях социального реформирования, правового воспитания и т. д. (4).

Оппозицию данному взгляду на соотношение российской и западной правовых ментальностей составляет только либеральная точка зрения, рассматривающая процесс распространения демократии европейского образца в русле идей общечеловеческой, единой цивилизации и общечеловеческих ценностей. Однако концепция, исходящая из наличия единых общечеловеческих ценностей выглядит в настоящее время достаточно сомнительной. Еще не так давно казалось, что с помощью извне развивающиеся страны сравнительно быстро преодолеют отставание от западных государств и воспримут политическую и правовую культуру европейского типа, разве что сохранив при этом некоторую национальную специфику. Однако после целого ряда событий (иранской революции 1978–1979 гг., «исламского ренессанса» в арабских странах и т. д.) стало очевидно, что развитие целого ряда стран Азии и Африки идет весьма своеобразно, во всяком случае никак не классическим путем, который был пройден европейскими странами. Развивающиеся страны продемонстрировали стремление ориентироваться более на собственные религиозно-культурные истоки, нежели на вестернизированные обезличенные эталоны.

В литературе присутствует тем не менее и еще один взгляд (высказываемый, правда, «маргинальными» в основном учеными), который, не отрицая наличия в каждой цивилизации своих собственных политических и правовых ценностей, относит Россию именно к европейской, легальной культуре. Так, С. Т. Баймухаметов пишет по поводу реформ Петра I, что «тянуть Русь в Европу не было никакой необходимости. Русские были и есть исконно европейской нацией. При тесном контакте с половецкой культурой, при 250-летней зависимости от Золотой Орды должно было быть осязаемое во всех сторонах жизни наследие, отпечаток. А что мы имели и имеем? Ну ничего степного не прижилось в российский быту, в бытотипе. Русские перемальывали все тюркоордынско-степное, а также балтийское, угро-финское, и все вместе они составляли русскую европейскую нацию и шли путем европейской цивилизации. Без всяких особых усилий – естественным образом! Безусловно, сказался выбор веры – христианской, православной. Но наверняка здесь было и нечто более глубинное, исконное, запрограммированное от природы. Как нынче говорят, национальный менталитет. И никакого такого особого пути у Руси не было. А был обычный путь европейской страны, пусть и не очень простой» (5).

Современная политическая ментальность западноевропейского общества есть следствие развития городской культуры средневековой Европы. Города разрушили принцип политического неравенства и выработали свой принцип – всякая власть покоится на воле общины, представляющей собой союз равных. Это послужило первым, пусть слабым, но теоретически вполне определенным контуром современного юридического строения западного общества. Но совершенно такую же, или даже более демократическую, систему политического устройства, как доказала историческая наука, мы находим в Киевской Руси. Древнерусская волость (земля), будучи городом-государством, функционировала как союз соподчиненных общин при верховенстве общины старейшего города, то есть являлась

государственным образованием республиканского типа. Народовластие в форме непосредственной демократии – вот политический нерв волости. Поэтому высшим органом власти в ней было вече – народное собрание всех свободных жителей города и прилегающей сельской округи. Решению веча старшего города подчинялись жители пригородов. Последнее слово на вече принадлежало массе свободного городского и сельского люда, а его решения были обязательны для всех, включая князей, бояр и церковных иерархов. Что касается князя, то он – лицо, подотчетное вечу. Князь – не монарх, а высший «чиновник» городской общины (6). Здесь мы видим все предпосылки для постепенного формирования представлений о суверенитете и свободе личности. Однако географическое положение России предопределило несколько другие следствия для развития ее политико-правового устройства.

Веками Россия выступала для Европы как естественный волнорез против накатывавших с востока завоевателей-кочевников. Жестокая борьба с Золотой Ордой и ее наследниками потребовала концентрации людских и материальных ресурсов. В этих условиях власть московских князей эволюционировала в сторону самодержавия, отличавшегося тем, что князь держал власть сам, а не по ряду (договору) с вечем, как это было раньше. Другим мотивом сохранения самодержавных начал в российском политическом устройстве стало то, что значительная территория России находится в зоне рискованного земледелия, что предполагает необходимость вмешательства власти в процесс хозяйствования с целью поддержки земледельца. Наконец, отличительной особенностью российской ментальности стала подчеркнутая религиозность, поскольку в условиях разгрома монголо-татарским нашествием вечевого строя, церковь получила возможность для свободной и активной проповеди, освободившись от жесткой опеки городских общин.

Можно было бы перечислять и другие отличия, сформировавшие комплекс признаков, характеризующих своеобразие российской правовой ментальности по сравне-

нию с западным юридическим мировоззрением и взглядом на идею свободы, но все это не может заслонить главного – анализ соотношения западного и российского типов правовой культуры выявил наличие двух «подтекстов» единой в своих истоках идеи. Российская государственность в своем развитии прошла те же этапы, что и государственность стран Европы. Правда, монархия в России установилась раньше и сохранялась дольше, но это определяется теми географическими условиями существования российского государства, о которых уже говорилось. Эволюция никогда не бывает прямой и полной, она знала и знает возвраты, по которым нужно уметь читать ее прошлое. Государство в своем развитии проходит большое количество разнообразных по симметрии фаз, и для всякого развития имеются свои нормальные рецидивы. Достаточно вспомнить, что и Западная Европа в XX веке пережила бурный расцвет тоталитарных режимов.

Если классической линией в истории развития европейской цивилизации считать установление системы правовых гарантий защиты интересов каждого гражданина с признанием его личного достоинства, его прав и свобод, то, по-видимому, российский патернализм знаменует собой отклонение от нее. Однако сопоставление российской правовой культуры с западной на фоне культуры традиционных обществ быстро проявляет семейное сходство между ними. Российская правовая культура, так же, как и западная, является по своей сути этатистской и легальной. Традиционные общества автоцентричны то есть, замкнуты на самих себя. На идеологическом уровне иерархия ценностей выдвигает на первое место группу – родственную, территориальную, религиозную, профессиональную и т. д., но не государство. Формально-правовые процедуры разрешения конфликтов развиты слабо. Конфликты регулируются с помощью специальных, тщательно разработанных процедур посредничества или арбитража. Напротив, в посттрадиционном обществе отрицается существование групп, так как их наличие противоречит государству самостоятельных и равноправных индивидов. Отно-

шения между индивидами регулируются официальным, формальным, отчужденным, внешним для человека правом – правом кодексов, законов, регламентов. Право является писаным и представляет собой независимый авторитет, к которому может обратиться любой гражданин. Правосудие осуществляется только и исключительно специальными органами государства, обеспечивающими равные для всех условия. Попытки присвоить правосудие считаются недопустимыми и преследуются. Государство выполняет миссию организации общества в совокупности свободных личностей, добровольно пожелавших подчиниться праву. Конечно, это всего лишь кратчайшее резюме основной идеи каждого из рассматриваемых обществ. И в посттрадиционных обществах присутствуют надправовые способы социального регулирования, и в традиционных обществах личность не элиминируется, но лишь рассматривается в контексте группы и т. д. Однако все же традиционные общества отдают предпочтение неправовым формам регулирования (термины «право» и «правовой» просто не существуют в языке большинства этих обществ), тогда как современные общества делают совершенно противоположный выбор (7).

Все это вынуждает пересмотреть основания сопоставления западного и российского менталитета, в том числе взглядов на государственность и право, и прежде всего характеристики идеи свободы, с которой связаны многие иные положения правовой культуры. Представляется, что мы имеем здесь дело с разным стадийным оформлением единой в своей основе точки зрения. Впрочем, бессмысленно описывать данную ситуацию в терминах опережающего / догоняющего развития. Отличия определяются формированием менталитетов в совершенно разных исторических условиях.

Идея свободы как ценности формируется и в западном, и в российском правосознании в контексте соотношения личности и государства как внешней и формальной правовой силы. Вне государства не приходится и говорить о свободе как таковой для евро-

пейского и российского менталитета. Достаточно вспомнить в этой связи кантовский категорический императив, гласящий: «Поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона». Негативные характеристики «воли» в российской народной культуре относятся именно к этой «вненормативной», «маргинальной», «аправовой» свободе и вполне естественно соотносятся с либеральными концепциями о пределах права и правовых ограничениях свободы. Другое дело, что пределы официального права в западной либеральной и российской патерналистской культурах проходят по разным ценностным рубежам.

Таким образом, сравнительный анализ западных и российских представлений о правовой ценности свободы как равноправных, автономных, самоценных участников политико-правового диалога выявляет их генетическую близость. Европейские и отечественные модели свободы объединяет принцип дихотомии личность/государство, отношения между которыми и определяют меру свободы индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малахов В. П. *Философия права*. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 416.
2. Маркузе Г. *Одномерный человек*. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – С. 57–58.
3. Малахов В. П. *Указ. соч.* – С. 430–431.
4. *Там же.* – С. 431.
5. Баймухаметов С. Т. *Призраки истории*. – М.: АСТ: Олимп, 2008. – С. 262–263.
6. Фроянов И. Я. *Российская история и современная политика // Начала русской истории. Избранное*. – М.: Издательский дом «Парад», 2001. – С. 945.
7. Рулан Н. *Юридическая антропология*. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – С. 186.

Об авторе

Клименко Сергей Сергеевич, Армавирский православно-социальный институт, аспирант кафедры философии и культурологии.
albinosvchernom@rambler.ru